

Пис. В. М. ГОРДОНЪ.

34A

219

268 0 2

Проверено 1904 г.

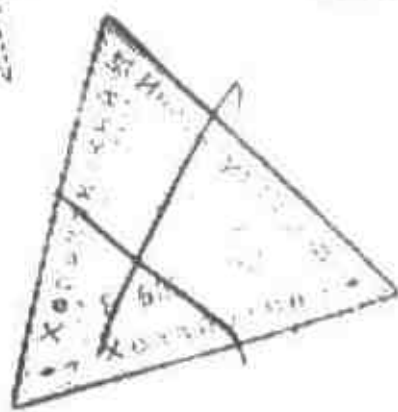
Б. ЗЕРСОВЪ

ПРИБРЪТЕНІЕ ДВИЖИМОСТИ

ОТЪ НЕСОБСТВЕННИКА.

ФУНДАМЕНТЪ
БИБЛИОТЕКА

ВЕРДИСЬ 1908

ДАРЬКОВЪ

Типографъ и Гравирня М. Зиндлеръ и Сынъ
Дружеское Товарищество

1901.

Проф. И. Н. Трепицынъ, *Приобрѣтеніе движимостей въ собственность отъ лицъ, не имѣющихъ права на ихъ отчужденіе*. Варшава, 1907 г., стр. XII+549+XL.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. Трепицынъ подвергъ изслѣдованію вопросъ о переходѣ права собственности на движимыя вещи отъ лицъ, управомоченныхъ на передачу этого права ¹⁾. Въ новомъ своемъ трудѣ онъ, по собственному заявленію, *продолжаетъ* изслѣдованіе вопроса о приобрѣтеніи права собственности на движимыя вещи. „Продолженіе“ посвящено изслѣдованію случаевъ „отчужденія движимостей лицами, не управомоченными на это“. „Возможно-ли,—и при какихъ условіяхъ“,—желаетъ выяснитъ авторъ,—„приобрѣтеніе права собственности въ этихъ послѣднихъ случаяхъ?“

Такой выборъ темы для новой работы и такая подготовка дѣла изслѣдованія не умаляютъ, впрочемъ, значенія труда какъ изслѣдованія одного цѣльнаго вопроса. Вопросъ, подвергнутый разработкѣ въ новой книгѣ, достаточно труденъ, споренъ и важенъ для того, чтобы посвящать ему не главу или отдѣлъ, а отдѣльную книгу. Разработка же вопроса какъ продолженіе работы по другому, можетъ только содѣйствовать правильности выводовъ.

Разумѣется, если бы авторъ и не сказалъ своего „продолжаемъ“, послѣдовательность перехода его отъ одной темы къ другой была бы сама собою понятна. Но справедливость требуетъ сказать, что это само собою понятное сближеніе вопросовъ сдѣлано впервые именно проф. Трепицынымъ. Эта связь проблемъ не только отмѣчена имъ съ цѣлью объясненія выбора предмета для изслѣдованія, но отразилась и на построеніи новой работы: вопросу о переходѣ права отъ неуправомоченнаго предпосылается вопросъ о приобрѣтеніи собственности отъ собственника.

Сближеніе проблемы, изслѣдуемой въ нынѣшней работѣ г. Трепицына, съ темой его первой диссертации могло бы привести къ большому обобщенію обоихъ вопросовъ, къ выясненію общихъ для нихъ основъ. Это было бы важно для правильного уясненія тѣхъ руководящихъ на-

¹⁾ И. Н. Трепицынъ. Переходъ права собственности на движимыя имущества посредствомъ передачи и соглашенія, Одесса, 1903 г., стр. VIII+424.

чалъ, которыя необходимо имѣть въ виду для рѣшенія главнаго вопроса разбираемаго труда: защищать-ли владѣльца движимости или же того, кто утратилъ обладаніе предметомъ своего права собственности. Приобрѣтеніе вещи отъ несобственника надо было поставить предположительно въ ряду способовъ приобретенія права собственности именно для того, чтобы рѣшить, засимъ, вопросъ: возможна-ли такая система способовъ приобретения, въ которую бы входило, какъ одинъ изъ нихъ, приобретение вещи отъ несобственника.

Сдѣлавъ правильный первый шагъ, авторъ, однако, не пошелъ дальше и не далъ должной постановки вопроса. А между тѣмъ только эта постановка дѣла могла бы привести его къ другой проблемѣ, неизбежной для темы, избранной авторомъ. Это именно проблема зависимости рѣшенія вопроса о системѣ способовъ приобретения движимости отъ соціального характера всего гражданского права. Для этого, конечно, понадобилось бы остановиться на вопросѣ о различіи этого характера въ разныя эпохи,—какъ это сдѣлалъ Enrico Cimbalì въ *La Nuova Fase del Diritto Civile*, 1907, стр. 12. И только послѣ того слѣдовало подвергнуть сужденію вопросъ о зависимости отъ этого различія вопроса о допустимости приобретения движимости отъ несобственника и возможности включенія этого приобретения собственности въ систему способовъ приобретения ея.

При такой постановкѣ работа могла бы представлять нѣчто отъ начала до конца единое и не дала-бы возможности придавать каждому параграфу изслѣдованія самоудовлѣющаго значенія.

Лишь указавъ на правильный путь, нашъ авторъ дальнѣйшаго направленія его не уяснилъ и, вмѣсто новой дороги, свернулъ по старой, зато проторенной. Каждое изъ законодательствъ, привлеченныхъ его вниманіе, составило для него предметъ особаго изслѣдованія. Группировка этихъ отдѣльных частей свелась лишь къ выясненію прошлаго, настоящаго и будущаго по избранному имъ вопросу. Соответственно этому и работу свою авторъ дѣлитъ на три части.

Первая часть названа *историческою*, хотя и въ слѣдующей, „догматической“ части имѣется также „часть историческая“. Это территориальное раздѣленіе матеріала сдѣлано авторомъ, какъ онъ объясняетъ, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, исторіи своего вопроса онъ вообще придалъ „служебное“ значеніе „введенія“ (стр. VII и 81), что отмѣтилъ и въ самомъ заглавіи своей первой части; этимъ названіемъ онъ нѣсколько сгладилъ неблагоприятное впечатлѣніе, производимое *несоразмѣрностью* этой части книги съ прочими; но, зато, еще болѣе подчеркнул свое отношеніе къ историческому матеріалу. Онъ прямо заявляетъ,

что „самостоятельнаго“ послѣдованія въ области исторіи и не беретъ на себя, ограничивая здѣсь свою задачу „передачею тѣхъ ученій, которыя высказаны въ спеціальной литературѣ по нашему вопросу“ (стр. VII). Между тѣмъ и самъ онъ признаетъ, что „историческія основы“ изучаемаго имъ начала осядутся невыясненными (стр. IV). Едва-ли, однако, возможно оставлять дѣло въ такомъ видѣ. Если бы авторъ не сбросилъ съ своихъ плечъ этой задачи, онъ былъ бы въ состояніи выяснитъ тотъ путь эволюціи, по которому шло человѣчество отъ „индивидуальности римскаго права“ до ограниченія виндикаціи подъ влияніемъ „соціальныхъ идей и запросовъ современной жизни“. Внимательное изслѣдованіе исторіи вопроса, быть можетъ, внушило бы ему мысль о зависимости изслѣдуемаго имъ вопроса отъ исторической окраски гражданскаго права.

Давъ мѣсто въ своей книгѣ исторической части, авторъ не включилъ въ нее, однако, всего историческаго матеріала, введеннаго въ книгу. Для исторіи *русскаго* права авторъ сдѣлалъ исключеніе: во „введеніе“ онъ ея не помѣстилъ. Объясняетъ онъ это, во 1-хъ, желаніемъ помѣстить „исторію русскаго права“ непосредственно передъ изложеніемъ догмы русскаго права, „въ виду ихъ близкой связи между собой“ и, во 2-хъ, полною противоположною между исторіею нашего вопроса въ Россіи и его исторіею на Западѣ Европы (стр. VII).

Первую часть, названную историческою, авторъ озаглавливаетъ „*Римское право и западно-европейское право до новыя законодательства*“. Первую, значительно меньшую изъ двухъ главъ этой части онъ отводитъ праву *римскому*. Съ этого права онъ начинаетъ свое „изложеніе“ „для большей яркости картины“ (стр. VII).

Противъ этого пріоритета нельзя возражать. Этотъ пріемъ, освященный традиціей, въ данномъ случаѣ имѣетъ свое особое основаніе. Несмотря на нестроту положеній дѣйствующихъ кодексовъ по вопросу о пріобрѣтеніи движимости отъ неособственника, римскія формулы все еще даютъ себя чувствовать. „*Nemo plus juris...*“, „*ubi meam rem invenio...*“,—эти положенія составляютъ достояніе и нашего времени. Не было бы, поэтому, излишнимъ, если бы авторъ не держался принятой имъ для исторической своей части формы „введенія“, считая возможнымъ не предпринимать здѣсь „самостоятельнаго“ изслѣдованія источниковъ.

Авторъ именно поставилъ себѣ задачею въ главѣ „Римское право“ разъяснить преувеличенность значенія положеній и „*nemo plus juris...*“ и „*ubi meam rem invenio...*“ „для вопроса о томъ, допустимо-ли было по римскому праву пріобрѣтеніе собственности отъ неособственника? На этотъ вопросъ г. Треницынъ отвѣчаетъ отрицательно. Основаніемъ для такого заключенія считаетъ, однако, не формулы „*Nemo plus juris...*“ и „*ubi me-*

ап геш“..., но отсутствіе въ римскомъ правѣ такихъ нормъ, которыя санкціонировали бы пріобрѣтеніе права отъ лица неуправомоченнаго. Никакого отступленія отъ указаннаго принципа не видитъ авторъ въ тѣхъ случаяхъ, когда право собственности передается лицами, имѣющими особое основаніе для передачи чужихъ правъ, вытекающее изъ представительства или изъ закладнаго права. Едва-ли, однако, можно признать удачною ту формулировку, которую даетъ авторъ *отношенію* между принципомъ и приведенными случаями кажущагося отступленія. *Отъ себя*,—говоритъ г. Трепицынъ—передать право собственности можетъ только собственникъ, а *вообще* передать право собственности можетъ только тотъ, кто имѣетъ правомочіе на такую передачу (стр. 12). Такое положеніе, само по себѣ взятое, могло бы внушить мысль, что авторъ какъ-разъ иначе представляетъ себѣ указанное отношеніе принципа и отдѣльныхъ случаевъ. Ни „вообще“, ни въ частныхъ случаяхъ право собственности не можетъ быть пріобрѣтено, по римскому праву, отъ того лица, которое такого права не имѣло.

Въ одномъ лишь „совершенно особенномъ случаѣ“ констатируетъ авторъ допустимость по римскому праву пріобрѣтенія отъ несобственника. По постановленію императора Зенона (I. 2 C 7, 37; объ этомъ также: § 14 I. 2, 6), пріобрѣтатель вещи, отчужденной фискомъ, хотя бы у фиска и не было на эту вещь права собственности, защищался отъ всякихъ исковъ со стороны потерпѣвшаго собственника. Привиллегія фиска распространена была Юстиніаномъ также на императора съ императрицею. Въ этомъ случаѣ,—объясняетъ проф. Трепицынъ,—„передачи“ нѣтъ, хотя и имѣется ея внѣшняя форма: здѣсь видитъ онъ не производное пріобрѣтеніе, а первоначальное (стр. 16—17). Если же, поясняетъ онъ ниже (стр. 17), здѣсь нѣтъ „передачи“, то нѣтъ и исключенія изъ правила „*не по plus juris*“...

Но, такимъ образомъ, выходитъ, что приведенный случай представляетъ отступленіе отъ принципа недопустимости пріобрѣтенія отъ несобственника (стр. 13; также стр. 18) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не представляетъ исключенія! Не устраняетъ *противорѣчія* и то обстоятельство, что правило „*не по plus juris*...“ есть основное положеніе логики, не допускающее исключеній. Если въ единичномъ случаѣ имѣетъ мѣсто пріобрѣтеніе права собственности на вещь, идущую отъ лица, не имѣющаго такого права, этотъ случай не можетъ не представляться отступленіемъ изъ общаго правила, т. е. исключеніемъ, коль скоро такое пріобрѣтеніе въ другихъ случаяхъ невозможно. Если общее правило есть положеніе логики, то надо выяснитъ основанія для исключенія, а не подгонять и это послѣднее подъ общее правило.

Такое положеніе вопроса въ римскомъ правѣ даетъ указаніе на постановку вопроса при дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Этимъ результатомъ и можно было бы удовольствоваться въ главѣ, посвященной римскому праву.

Намъ же авторъ считаетъ нужнымъ тутъ-же отмѣтить универсальный характеръ формулы „*neto plus juris*“. Но матеріалъ для этого вывода помѣщенъ лишь въ послѣдующихъ частяхъ работы. Вслѣдствіе этого поневолѣ является необоснованнымъ, преждевременнымъ заключеніе г. Тренцина, что указанная формула не составляетъ специальной особенности римскаго права, что она одинаково присуща и всѣмъ новымъ законодательствамъ. Не представивъ изслѣдованія этихъ послѣднихъ, авторъ не имѣлъ права выставлять такого положенія, зная, особенно, что это не общее мнѣніе (стр. 18, прим. 1). Такой же способъ изслѣдованія черезъ заглядываніе впередъ своего изслѣдованія примѣняетъ авторъ и далѣе по вопросу о характерныхъ особенностяхъ, которыми „единственный случай“ допустимости въ римскомъ правѣ пріобрѣтенія права собственности отъ несобственника отличается отъ того, что представляютъ по данному вопросу новыя законодательства. Поэтому является необоснованнымъ на своемъ мѣстѣ слѣдующее сопоставленіе автора. Новыя законодательства, признавши *принципально* возможность пріобрѣтенія отъ лицъ неуправомоченныхъ, создали для этого и *новый, особый способъ* пріобрѣтенія права собственности, тогда какъ римское право, допустившее такое пріобрѣтеніе лишь въ *одномъ* случаѣ, *никакого* особаго способа для этого не создало (стр. 20). Такой выводъ можно было бы выставить не раньше, какъ по изслѣдованіи и новыхъ законодательствъ. Раньше этого „принципальныя различія“ оказываются лишь одностороннимъ образомъ обоснованными. Оставляя, однако, въ сторонѣ необоснованныя части выводовъ, нельзя не поставить въ заслугу автору детальное выясненіе характерныхъ чертъ отношенія римскаго права къ проблемѣ пріобрѣтенія правъ отъ неуправомоченныхъ. Это представлялось необходимымъ и для постановки дѣла дальнѣйшаго изслѣдованія, и для выясненія исторической роли римскаго права для слѣдующаго развитія права по данному вопросу. Наслѣдіе римскихъ юристовъ въ этомъ отношеніи представляется автору препятствіемъ къ правообразованію въ эпоху реценціи и противовѣсомъ или, по крайней мѣрѣ, теоретическимъ противоположеніемъ, въ настоящую пору (стр. 21).

Глава подъ названіемъ „*Западно-европейское право до новыхъ законодательствъ*“ посвящена вопросу о новыхъ началахъ, внесенныхъ въ нормировку пріобрѣтенія права собственности отъ несобственника. Отказавшись отъ самостоятельнаго изслѣдованія источниковъ, авторъ увидѣлъ передъ собою два толкованія ихъ. Одно,—утверждаетъ онъ,—

господствующее,—ведеть исторію даннаго вопроса отъ *lex Salica*; другое—отъ *Sachsenspiegel*. Полагаясь на Carlin'a, нашъ авторъ предпочитаетъ послѣдовать за господствующимъ мнѣніемъ. вмѣсто источниковъ, авторъ предлагаетъ своему читателю рядъ кропотливо составленныхъ указателей литературы по различнымъ деталямъ своего вопроса. Характерно при этомъ для работы, что исторія вопроса не отдѣляется отъ исторіи источниковъ, что увеличиваетъ размѣры примѣчаній, едва-ли способствуя разъясненію основной темы. Воспроизведя, со ссылкой на громадную литературу, общую формулу новыхъ началъ (стр. 27—28), авторъ даетъ, засимъ, обзоръ ученій по отдѣльнымъ деталямъ этой формулы: нужна-ли была добросовѣстность въ лицѣ пріобрѣтателя, подлежали ли дѣйствию формулы только движимости? и т. д. Воспроизводитъ проф. Трепицынъ литературныя данныя о положеніи своего вопроса въ постановленіяхъ древне-германскаго права, такъ и въ отдѣльныхъ памятникахъ времени послѣ раздѣленія франкской монархіи, напр., въ статутахъ Фрейбурга, Аугсбурга (стр. 39 и сл.), раздѣляя партикуляризмы на двѣ категоріи: по однимъ область виндикаціи расширяется, по другимъ суживается; пересматриваетъ при этомъ литературу цѣлаго ряда спорныхъ вопросовъ, каковъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, возможна-ли со стороны собственника виндикація вещи, когда она украдена не у самого собственника, а у его контрагента (стр. 42). Авторъ приходитъ къ выводу, что область примѣненія новаго принципа была обширна (стр. 45), и, засимъ изображаетъ воздѣйствіе на эту область реценированнаго римскаго права и отмѣчаетъ фактъ постепеннаго сокращенія названной области безъ полнаго, однако, исчезновенія древне-германскаго принципа. Доказательство этого находитъ онъ въ Гамбургскомъ городскомъ статутѣ 1603 года, отчасти въ Любекскомъ правѣ. Побѣду римскаго права констатируетъ онъ въ южной и средней Германіи. Аналогичное явленіе борьбы новаго начала съ римскимъ отмѣчаетъ авторъ и для Франціи, гдѣ триумфъ римскаго права не былъ полнымъ, хотя и уступка древне-германскимъ принципамъ привела въ концѣ концовъ къ формулѣ „*en fait de meubles la possession vaut titre*“.

Давъ такую картину развитія новаго начала пріобрѣтенія права собственности отъ неособенника, авторъ посвящаетъ особый параграфъ выясненію *основаній* указаннаго древне-германскаго принципа „*Hand wahre Hand*“ или, точнѣе, теоріямъ, направленнымъ къ выясненію такого основанія. Всѣ эти теоріи онъ раздѣляетъ на двѣ группы въ зависимости отъ того, выдвигаютъ-ли они юридическія основанія или же соображенія, лежащія внѣ области права. Теоріи юридическія подраздѣляются на матеріально-правовыя и процессуально-правовыя; первыя—на теоріи

владѣльческія и „чисто-цивилистическія“ („безъ ссылокъ на владѣніе“); процессуальныя теоріи дѣлитъ онъ на цивильно-процессуальныя и „криминалистическія“ (ищутъ основанія въ уголовномъ процессѣ). Кратко характеризуетъ онъ массу ученій, выдвигая тутъ же возраженія, противъ нихъ высказывавшіяся. Но ни одно изъ массы пересмотрѣнныхъ объясненій не находитъ онъ безупречнымъ. Самостоятельнаго объясненія не предлагаетъ, находя это требующимъ изученія всего законодательнаго матеріала среднихъ вѣковъ, а это не ставитъ онъ задачею своего догматическаго изслѣдованія. Въ результатѣ предлагается *лишь априорное* объясненіе: нашъ принципъ, говоритъ проф. Трепичинъ, созданъ *всєю* совокупностью экономическихъ и юридическихъ условій.

Но для такого вывода не нужно было всѣхъ теорій, либо, наоборотъ, выводъ автора ничего не прибавляетъ къ богатому матеріалу чужихъ ученій. Эти послѣднія,—нельзя не сказать,—изучены въ массѣ и изображены въ яркихъ, характерныхъ чертахъ.

Главную часть работы, по заявленію автора, представляетъ часть, названная имъ *догматическою*. Здѣсь заключается „непосредственный и главный“ предметъ изслѣдованія. Это наибольшая по размѣрамъ часть работы; въ ней больше 400 страницъ, тогда какъ на первую удѣлено лишь 80, а на третью лишь 45.

Догматическая часть озаглавлена „Новыя законодательства“. Имѣя въ виду законодательства „новыя“, авторъ отнесъ къ этой части не только дѣйствующія правовыя системы, но и потерявшія уже свою силу: напримеръ, прусскій Landrecht, саксонское уложеніе, обще-германское уложеніе. Въ эту же „догматическую“ часть включена, какъ уже выше отмѣчено, и исторія русскаго права. Здѣсь же занимается авторъ, по его выраженію, конструированіемъ изучаемаго явленія, т. е. опредѣленіемъ его юридической природы. „Догматическая часть“ раздѣляется на 12 главъ. Одна изъ нихъ, заключительная, посвящена „конструированію“; всѣ остальные даютъ рядъ статей по отдѣльнымъ законодательствамъ, объединеннымъ лишь тождествомъ темы. Отъ какой-либо классификаціи новыхъ законодательствъ авторъ прямо отказывается, мотивируя это тѣмъ, что разнообразіе въ нихъ такъ велико, что врядъ-ли возможно установить какую-либо классификацію (стр. 81). Поэтому, говоритъ онъ, въ своемъ изложеніи мы будемъ держаться самаго простаго порядка, хронологическаго.

Насколько удаченъ этотъ „простой“ порядокъ, показываетъ хотя бы примѣръ германскаго торговаго права, оказавшагося раздѣленнымъ на двѣ, далеко одна отъ другой стоящія главы (4-я и 10-я). Этотъ „простой“ порядокъ едва-ли и правиленъ, коль скоро и нашъ авторъ не кон-

статироваль, чтобы хронологическое соотношение между избранными имъ законодательствами соединено было и съ внутреннею зависимою между ними. Во всякомъ случаѣ не видно, чтобы авторъ даже и имѣлъ въ виду какую-либо связь между различными областями своего изслѣдованія.

Свое догматическое изложение авторъ начинаетъ съ *права прусскаго*. Онъ выясняетъ прежде всего основаніе, по которому прусскій Landrecht допустилъ пріобрѣтеніе права собственности отъ неособенника. Это основаніе, говоритъ, „состоитъ въ поддержаніи и развитіи оборота при условіи должной охраны *права собственности*“. Последующая часть этой главы и посвящается разсмотрѣнію того, какъ разрѣшена прусскимъ правомъ указанная проблема. Констатировавъ романистическое общее правило, авторъ обнаруживаетъ и случаи отступленія, когда пріобрѣтатель движимости защищался отъ виндикаціи, потому что виндикація противъ собственника недопустима.

Много вниманія удѣляетъ авторъ *французскому праву* (глава II). Для надлежащаго разъясненія code civil онъ обращается предварительно къ эпохѣ, непосредственно предшествовавшей его изданію (§ 1). Здѣсь отмѣчаетъ прежде всего романистическую доктрину Pothier (всѣ вещи могутъ быть объектомъ виндикаціи), и, засимъ, борьбу съ нею, во имя общаго блага, Парижской судебной практики, выставившей, по объясненію Boujjon, общее правило „en matière de meubles la possession vaut titre de propriété“, лишь бы вещь не была краденою. Въ этой исторической справкѣ и видитъ онъ ключъ къ надлежащему пониманію дѣйствующаго французскаго права съ его „en fait de meubles, la possession vaut titre“ (ст. 2279), въ виду выясняемой, благодаря этой справкѣ, генетической связи этого положенія съ полнымъ и яснымъ ученіемъ Boujjon'a. Авторъ стремится, засимъ, и путемъ *анализа* самого закона (ст. 2279 и 2280 кодекса) уяснить значеніе основной формулы, въ немъ выраженной (§ 2). Онъ приходитъ къ выводу, что, помимо случаевъ кражи и потери, виндикація движимостей не допускается, т. е. пріобрѣтатель дѣлается ихъ собственникомъ, и, далѣе, что право собственности на движимость пріобрѣтается посредствомъ овладѣнія ею, хотя бы отчуждатель и не имѣлъ этого права (стр. 102).

Установивъ такимъ двоякимъ путемъ общую норму французскаго права, въ послѣдующихъ параграфахъ главы, посвященной этому праву, авторъ останавливается внимательно на цѣломъ рядѣ вопросовъ, требующихъ отвѣта для раскрытія всей полноты содержанія объясняемой нормы. Онъ выясняетъ, что по французскому праву для пріобрѣтенія права собственности на движимость отъ неособенника требуется *реальное* овладѣніе вещью (§ 3); эта реальность должна быть для всѣхъ очевидна,

не возбуждать сомнѣній и давать третьимъ лицамъ спокойную увѣренность.

Едва-ли, однако, можно согласиться съ авторомъ, чтобы не было реального владѣнія товаромъ у того, кто приобрѣтаетъ отъ несобственника товаръ не въ натурѣ, а по документу, представляющему собою товаръ. Обладаніе такимъ документомъ, воплощающимъ въ себѣ право на товаръ, даетъ наружное проявленіе этого права; возможность же злоупотребленій съ документомъ такъ же не вліяетъ на позицію управомоченнаго, какъ и рискъ утраты вещи—на право собственности относительно нея.

Безъ прямого указанія въ законѣ, изъ „сущности дѣла“ выводитъ авторъ необходимость по французскому праву *animus domini* или *animus rem sibi habendi*, останавливаясь, засимъ, на вопросѣ о доказываніи наличности этого *animus'a* или его отсутствія (§ 4).

Спорнымъ во французской литературѣ является вопросъ о томъ,—нужно-ли, чтобы владѣніе приобретателя покоилось на *justus titulus*, т. е. на „юридическомъ фактѣ, переносящемъ право собственности“ (§ 5)? Нанѣ авторъ принимаетъ сторону рѣшающихъ этотъ вопросъ *отрицательно*. Но изъ дальнѣйшаго выясняется, что онъ все-таки считаетъ необходимымъ *titulus*, откуда *animus domini* могъ бы черпать свое содержаніе, а для этого находитъ достаточнымъ титула *путативнаго*; такимъ образомъ, онъ отвергаетъ лишь воззрѣніе тѣхъ, кто требовалъ, чтобы *titulus* былъ непременно *justus*. Результатомъ такого толкованія является выводъ объ *отсутствіи* у приобретателя обязанности *доказывать* наличность титула. На этомъ слѣдовало было бы и поставить точку. Авторъ же идетъ дальше, говоря, что „приобрѣтатель можетъ только *объяснить* титуломъ *чего* является его владѣніе—права собственности, заклада, узурфрукта“ (стр. 116). Интересно знать, зачѣмъ приобретателю давать такого рода объясненія, если онъ свободенъ отъ *onus probandi*, а слѣдовательно и безъ всякихъ объясненій его позиція благоприятна и можетъ быть расшатана лишь доказательствами противника?

Вопросъ въ томъ, нужна-ли *добросовѣстность* для приобретенія права собственности по ст. 2279 кодекса, проф. Треницынъ, присоединяясь къ господствующему, рѣшаетъ *утвердительно* (§ 6). Добросовѣстность, для наличности которой достаточно незнанія объ отсутствіи права собственности у отчуждателя, должна быть на-лицо, — полагаетъ нашъ авторъ, оиять согласно съ господствующимъ мнѣніемъ,—не въ моментъ заключенія договора, а въ моментъ передачи вещи (стр. 122).

Кто и *противъ кого* можетъ ссылаться на ст. 2279 кодекса,—ставить себѣ вопросы проф. Треницынъ (§ 7). Къ числу лицъ, которыя могутъ ссылаться, относитъ онъ не только „добросовѣтнаго и реального вла-

дѣльца *sunt animo domini*“, но и кредиторовъ его. Ссылатся на ст. 2279 онъ считаетъ возможнымъ *противъ* всякаго собственника вещи, хотя бы онъ былъ и недѣеспособенъ.

Пришлось остановиться автору и на вопросъ объ *объектахъ*, подлежащихъ дѣйствию ст. 2279, несмотря на указанное въ ней отношеніе только къ вещамъ движимымъ (§ 8). Нѣкоторые изъ нихъ вовсе изъяты изъ оборота; относящійся сюда законъ 30 марта 1887 года „sur la conservation de monuments historiques“ отмѣченъ, къ сожалѣнію, безъ той обстоятельности, которую обнаружилъ авторъ въ другихъ случаяхъ. Остановился авторъ и на томъ недоразумѣніи, которое возникаетъ въ виду ст. 533 кодекса, признавъ правильнымъ игнорированіе ея французскою теоріей и судебною практикою при примѣненіи ст. 2279. Въмѣсто объясненія своего заключенія авторъ ограничился лишь цитатою (стр. 130 ad прим. 1) труда изъ проф. Васьяковскаго; такой приемъ можетъ быть не поставленъ въ вину автору лишь въ виду сравнительной мелочности вопроса въ общей массѣ его работы.—Внимательно, засимъ, разсмотрѣны отдѣльныя категоріи вещей съ точки зрѣнія примѣнимости къ нимъ статьи 2279.

Въ особые параграфы выдѣлены, засимъ, вопросы о томъ какое дѣйствіе производятъ при своемъ примѣненіи 1-я часть ст. 2279, 2-я часть ея, 1-я часть ст. 2280, 1-й пунктъ ст. 2102 кодекса (§§ 9—12). Въ этихъ параграфахъ подробнѣе развиваются мысли, высказанныя раньше въ § 2; а на стр. 137 допущено даже повтореніе того, о чемъ уже шла рѣчь на стр. 102—103. Здѣсь выясняются предѣлы примѣненія каждой изъ указанныхъ нормъ; изъ всего этого дѣлаются краткіе и ясные выводы; выясняется взаимное отношеніе этихъ нормъ (стр. 145—146).

Въ заключеніе главы, посвященной французскому праву, „для большей полноты и для устраненія возможныхъ сомнѣній“, авторъ останавливается на вопросѣ о взаимномъ соотношеніи, въ которомъ находятся правило 1-й части ст. 2279 и принятая Кодексомъ Наполеона „система соглашенія“ относительно перехода права собственности на движимое имущество (§ 13). Проф. Треницынъ находитъ единственно возможнымъ признать во французскомъ правѣ одновременно и систему соглашенія, и особое значеніе владѣнія по ст. 2279 и 1141 (стр. 173). Система *соглашенія*,—объясняетъ онъ,—регулируетъ приобрѣтеніе права собственности отъ *собственника*, а посредствомъ реального овладѣнія приобрѣтается право собственности отъ *несобственника*. Такое соотношеніе, находитъ онъ, оправдывается не только положительнымъ закономъ, но и соображеніями цѣлесообразности.

Глава, посвященная французскому праву, можетъ дать представленіе о характерѣ и послѣдующихъ главъ, заключающихъ въ себѣ данныя

объ отношеніяхъ вопросамъ темы со стороны другихъ иностранныхъ законодательствъ. Въ хронологическомъ порядкѣ выхода въ свѣтъ законодательныхъ источниковъ, привлеченныхъ вниманіе автора, слѣдуютъ главы, посвященныя австрійскому праву, общегерманскому торговому, саксонскому, итальянскому, швейцарскому, англійскому, „второстепеннымъ“ законодательствамъ (девяти государствъ: Даніи, Норвегіи, Швеціи, Бельгіи и др.) и, наконецъ, гражданскому и торговому праву Германской имперіи.

Во всѣхъ этихъ частяхъ съ поразительнымъ терпѣніемъ авторъ перетолковываетъ детальныя вопросы, выдвигаемые его темою. Требуя необычайной выносливости отъ автора, такая работа оставляетъ немало тяжелого труда и для читателя. Въ интересахъ послѣдняго необходима переработка обильнаго матеріала, собраннаго авторомъ. Изъ 11 статей, посвященныхъ одному и тому же вопросу по различнымъ законодательнымъ актамъ, много можетъ извлечь тотъ, кто, подъ вліяніемъ того тяжкаго труда, какой вынесъ проф. Трепицынъ, не утерять желанія заняться животрепещущею проблемою, остановившею на себѣ вниманіе автора. Впрочемъ, и онъ не отказался отъ задачи обобщенія, поставивъ себѣ такую задачу въ главѣ 12-й, носящей названіе „Конструкція“.

Раньше чѣмъ перейти къ этой главѣ, нельзя не остановиться на предшествующей главѣ, посвященной нашему отечественному праву. Такое выдѣленіе этой главы вполне возможно, ибо она, какъ и ей предшествующія, можетъ представлять совершенно отдѣльный интересъ въ зависимости лишь отъ той законодательной системы, которая интересуетъ читателя. Впрочемъ, иностранныя законодательства, пересматриваемыя проф. Трепицынымъ съ точки зрѣнія своего вопроса, представляютъ, по его объясненію, не только самостоятельный интересъ, но имѣютъ значеніе „образцовъ рѣшенія нашего вопроса“ для того, чтобы легче разбираться въ области русскаго права (стр. 321).

Разсмотрѣніе *русскаго* права проф. Трепицынъ раздѣляетъ на двѣ части: историческую и догматическую.

Предисловіе нѣсколько замѣчаній о достоинствахъ сравнительно-историческаго метода и *посѣтовать* на „всю нашу неподготовленность къ пользованію имъ“, нашъ авторъ сообщаетъ, что такое пользованіе возможно лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Несмотря на подчеркиваемую имъ роль правильныхъ методологическихъ приѣмовъ, онъ дальнѣе указанныхъ выводовъ не идетъ. Въ послѣдующихъ параграфахъ онъ снова принимается за испытанный уже въ другихъ частяхъ книги способъ изложенія и комментирования. Впрочемъ, въ исторической части особенно часто авторъ отвлекается отъ такой задачи въ сторону общихъ

объясненій исторіи отдѣльныхъ памятниковъ, давая въ своихъ примѣчаніяхъ длиннѣйшіе справочные указатели по вопросамъ, хотя бы и не имѣющимъ близкаго отношенія къ темѣ. Такъ, въ § 2, озаглавленномъ „Договоры русскихъ съ греками“, авторъ останавливается и на вопросѣ о достовѣрности указанныхъ договоровъ, и о томъ, какое право, русское или греческое, выражено въ этихъ договорахъ (стр. 325—326). Громадный справочный указатель воспроизводитъ проф. Треницынъ по вопросамъ о томъ, гдѣ искать текстъ Русской Правды, и „вообще о Русской Правдѣ“ (стр. 332—333, прим. 3). И по поводу Русской Правды затрагиваются такіе вопросы, какъ національность права, въ ней выраженнаго (стр. 334 сл.). Такія отступленія въ область общихъ свѣдѣній объ источникахъ находятъ себѣ объясненіе автора въ желаніи его давать очерки той обстановки, въ которой возникъ и развивался данный источникъ: такъ, напримѣръ, на стр. 339, Загромождая такимъ путемъ свое изслѣдованіе, проф. Треницынъ даетъ объясненіе своего вопроса по ряду памятниковъ русскаго права: таковы: Договоры русскихъ съ греками, Русская Правда, Литовскій Статутъ.

Нельзя не назвать удачнымъ примѣненіе сравнительно-историческаго метода черезъ введеніе параграфа, посвященнаго такимъ славянскимъ законодательствамъ, какъ чешское, польское и сербское (§ 5). Такимъ путемъ пополняется картина древнѣйшаго періода нашей имперіи.

Заслѣдуютъ параграфы, посвященные Псковской судебной грамотѣ (§ 6), Судебникамъ (§ 7) и Уложенію Царя Алексѣя Михайловича (§ 8). Не выдѣляя въ особые параграфы, затрагиваетъ онъ и уставныя грамоты (стр. 395) и новоуказанные статьи (401). Во всѣхъ памятникахъ, кромѣ Псковской грамоты, отмѣчаетъ проф. Треницынъ принципъ неограниченной вѣдикаціи, объясняя это всю совокупностью условій, при которыхъ протекала русская жизнь, особенно отмѣчая вліяніе Византіи и слабое развитіе торговли (стр. 404). Наконецъ, въ видѣ „приложенія“ къ исторической части отмѣченъ и „Сборникъ законовъ царя Вахтанга VI“ (§ 9).

Матеріаломъ для исторической части главы, относящейся къ русскому праву, послужили тексты названныхъ памятниковъ съ массою объясненій нашихъ историковъ права. Добросовѣстно, щедрою рукою воспроизводя эти данныя, авторъ не теряетъ, однако, своей самостоятельности, оставаясь не только безпристрастнымъ наблюдателемъ, но и строгимъ критикомъ приводимыхъ ученій. Авторъ не ограничивается толкованіемъ текста памятниковъ, но старается выяснитъ,—повторяю,—юридическія и экономическія условія жизни въ каждую эпоху. Этимъ путемъ онъ получаетъ способъ провѣрки тѣхъ выводовъ изъ текста, которые самостоятельно дѣлаетъ изъ нихъ. Правда, онъ не упускаетъ изъ

виду предшествующей литературы своего вопроса. Но опираясь на выясняемые условия жизни и на самый текст памятниковъ, онъ не поддается обаянію авторитетовъ и рѣшительно отвергаетъ ихъ объясненія, если они не согласуются съ его выводами. Такъ, онъ настаиваетъ на указанномъ уже ограниченіи виндикаціи по Псковской судной грамотѣ, несмотря на противоположное воззрѣніе проф. Владимірскаго-Буданова, Энгельмана и Устрялова (стр. 387 и сл., ос. 390—391). Впрочемъ, иной разъ авторъ не прочь сослаться и на другого, вмѣсто того, чтобы самому входить въ необходимыя объясненія. Такъ онъ поступаетъ, напримеръ, относительно Двинской грамоты. „По всему ходу дѣла“,—говоритъ онъ (стр. 396)—„можно думать, что вещь возвращается потерпѣвшему собственнику“. Но, заснмъ, не объясняя, гдѣ усмотрѣнъ имъ „весь ходъ дѣла“, онъ дѣлаетъ ссылку: „Такого мнѣнія г. Елеонскій“...

Въ общемъ, исторія русскаго права по вопросу о приобрѣтеніи движимости отъ несобственника нашла въ проф. Трепичинѣ внимательнаго изслѣдователя; ни времени, ни труда не жалѣлъ онъ для того, чтобы раздвинуть горизонты русскаго прошлаго и, такимъ путемъ, „не только истолковать самыя постановленія прежнихъ источниковъ права, но и выяснитъ тѣ общія условія, въ которыхъ эти постановленія возникли и примѣнялись (стр. VII)“.

Въ *догматической части* русскаго права авторъ разсматриваетъ „не только собственно русское право, но также и другія законодательства, которыя дѣйствуютъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи“. Приступая къ разсмотрѣнію русскаго дѣйствующаго права“, онъ заявляетъ, что „сюда относится главнымъ образомъ 1-я часть X тома Свода законовъ“, правда, съ оговоркою о нормахъ гражданскаго права, разбѣянныхъ по многимъ томамъ Свода. Такое указаніе не соответствуетъ, однако, тому, что даетъ авторъ въ этомъ параграфѣ: онъ разсматриваетъ отношеніе нашего права къ интересующему его вопросу не только по 1-й части X тома, и не только по нормамъ собственно гражданскаго права, но и по нормамъ иныхъ областей права.

Характеризуя матеріалъ нашего дѣйствующаго гражданскаго права, онъ заявляетъ что 1-я часть X тома не представляетъ ничего больше, какъ простой лишь *инотъ* всему предшествующему русскому законодательству. Но едва-ли такое заявленіе допустимо послѣ того, какъ съ несомнѣнностью установлено *иностранное* вліяніе, обнаруживаемое нашими гражданскими законами. Къ сожалѣнію, это обстоятельство, очевидно, осталось для нашего автора неизвѣстнымъ. Объ этомъ можно тѣмъ болѣе пожалѣть, что, при иной освѣдомленности, онъ, вѣроятно, смелъ бы

полезнымъ коснуться вопроса о національномъ характерѣ нормъ нашего дѣйствующаго права, какъ это онъ сдѣлалъ относительно нѣкоторыхъ памятниковъ изъ исторіи нашего права. 1

При разсмотрѣніи нашего дѣйствующаго права авторъ держится того-же комментарнаго способа, что и въ предшествующихъ частяхъ своей работы. Передъ читателемъ своимъ онъ проводитъ съ подробными объясненіями одну за другою тѣ статьи нашихъ законовъ, въ которыхъ находятъ данныя по своему вопросу.

Прежде всего онъ выясняетъ смыслъ статьи 534 и приходитъ къ заключенію, что ни текстъ ея, ни ея источники не даютъ права видѣть въ ней воспроизведеніе французскаго принципа „En fait de meubles...“; словами же „доколѣ противное не будетъ доказано“ ст. 534 прямо отвергаетъ такой принципъ, ибо даетъ собственнику право виндигировать свое имущество изъ чужого владѣнія (стр. 410—417). Свой взглядъ развиваетъ авторъ, опровергая воззрѣніе, нашедшее себѣ защитниковъ въ лицѣ Люстиха, Анненкова и Пестржецкаго. Къ сожалѣнію, недостаточно вниманія оказано авторомъ практикѣ Сената, не разъ дѣлавшаго попытки выяснитъ значеніе статьи 534. Мало было отмѣтить годъ рѣшеній и номера ихъ по сборнику. Такія рѣшенія, какъ Общаго Собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ Сената 1896 г. № 31, не могли быть пропущены безъ ущерба для полноты работы и правильности изображенія того состоянія, въ которомъ находится по данному вопросу нашъ гражданскій бытъ. Колебаніе въ сторону, прямо противоположную воззрѣнію, развиваемому нашимъ авторомъ, должно было быть выяснено: нельзя было оставлять безъ основательнаго разбора попытку признавать какъ *lex lata* то, что можетъ имѣть значеніе лишь *de lege ferenda*.

Комментируетъ, засимъ, авторъ статьи 609 и 691 тома X ч. 1. Усматривая въ нихъ лишь воспроизведеніе романистической формулы „*Ubi shean rem invenio...*“, авторъ находитъ, что этихъ статей еще недостаточно для допустимости у насъ пріобрѣтенія движимости отъ несобственника. Полное же устраненіе принциповъ „*Hand wahre Hand*“ и „*En fait de meubles...*“ видитъ онъ въ ст. 523—529, а также въ ст. 420, 1384, 1386 и др. тома X ч. 1. Изъ этихъ статей онъ выводитъ, что не всякое владѣніе, пріобрѣтаемое законнымъ способомъ, является законнымъ; для незаконности владѣнія онъ находитъ достаточнымъ (*contra*: проф. Шершеневичъ) нарушеніе нормъ не только самимъ пріобрѣтателемъ, но и кѣмъ-либо изъ его предшественниковъ. Съ этой точки зрѣнія и движимость, пріобрѣтенная отъ несобственника, будетъ состоять въ незаконномъ владѣніи и, слѣдовательно, подлежить, согласно ст. 609 и 691, виндикаціи.

Далѣ слѣдуетъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ случаевъ примѣненія принципа неограниченной виндикаціи и отдѣльныхъ исключеній изъ него (стр. 431 и сл.). Никакой защиты добросовѣстнаго владѣнія не видитъ онъ въ ст. 1512; въ ней онъ усматриваетъ лишь отдѣльный случай *примѣненія* общаго правила о виндикаціи (стр. 439). Не находитъ авторъ исключенія и въ ст. 613, 615, 634 и 643 т. X ч. 1. Минимымъ исключеніемъ считаетъ онъ и ст. 1301 т. X ч. 1 (стр. 445—452); также смотритъ и на ст. 1213 у. г. с. (стр. 452—453).

Дѣйствительное исключеніе видитъ онъ въ ст. 569 устава судопроизводства торговаго ¹⁾. Авторъ характеризуетъ эту норму какъ „мелко казуистичную“. Конечно, составлена она въ выраженіяхъ, ограничивающихъ ея примѣненіе случаемъ, въ ней предусмотрѣннымъ, — случаемъ несостоятельности комиссіонера, который продалъ товары, ввѣренные ему „единственно для отправления“. Нельзя не согласиться съ авторомъ въ ограничительномъ толкованіи этой статьи. Нельзя распространять ее на случаи, торговымъ правомъ не предусмотрѣнные; еще менѣе возможно распространять ее и на явленія чисто гражданского права, коль скоро въ послѣднемъ нѣтъ у насъ нормы, коммерциализирующей по данному предмету наше гражданское право.

Но едва-ли можно было ограничиться комментированіемъ ст. 476 по изданію 1903 г. и не отмѣтить въ ней явленіе, хотя и казуистически выраженное, но необходимое для торговаго оборота и не представляющее собою неправильности, лишь прикрываемой авторитетомъ закона (contra: проф. Шершеневичъ, Курсъ торгов. права, томъ II, 1908 г., стр. 223). Это явленіе имѣетъ мѣсто и въ другихъ случаяхъ, когда по отношенію къ третьимъ лицамъ сохраняютъ юридическую силу тѣ сдѣлки, которыя совершены съ лицами, не управомоченными на совершеніе ихъ. Напримѣръ, воплнѣ дѣйствительною остается сдѣлка, совершенная съ какимъ-либо товариществомъ, хотя-бы лицо, дѣйствовавшее отъ имени послѣдняго, вышло при этомъ изъ предѣловъ полномочія.

Исключеніе изъ общаго правила абсолютной виндикаціи отмѣчаетъ авторъ и въ ст. 1061 у. г. с., видя здѣсь проявленіе тенденціи охранять и обезпечивать довѣріе къ дѣйствіямъ властей; впрочемъ, нѣсколько ниже подчеркивается энергичная охрана, при этомъ, прочности „аукціоннаго оборота“.

Ограниченіе виндикаціи устанавливаетъ авторъ для *бумагъ на предъявителя*, основываясь на ст. 82, разд. II, уст. кредитнаго и допуская

---

¹⁾ По послѣднему изданію 1903 года, это статья 476. Авторъ пользовался старѣлымъ изданіемъ 1893 года.

распространительное толкованіе „на основаніи полнаго (реальнаго) тождества“. Авторъ высказывается за недопущеніе вѣдикаціи бумагъ на предъявителя отъ третьихъ добросовѣстныхъ лицъ даже въ случаяхъ кражи (стр. 459). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько выше на той же страницѣ утверждаетъ: „Общее правило, что преступленіе не можетъ быть средствомъ для пріобрѣтенія правъ, остается въ силѣ даже и при защитѣ добросовѣстнаго владѣнія“. Какъ согласовать такого рода положенія, авторъ не выясняетъ.

Не допустимою считаетъ авторъ и вѣдикацію денегъ, примѣняя здѣсь заключеніе а majori ad minus. Если законъ,—говоритъ онъ, защищаетъ добросовѣстныя пріобрѣтенія бумагъ на предъявителя, то тѣмъ болѣе онъ не можетъ не защищать такихъ же пріобрѣтеній денегъ, потому что основаніе, вызвавшее защиту пріобрѣтеній бумагъ на предъявителя, проявляется еще съ большею силой въ деньгахъ (стр. 461—462). Наконецъ, случай исключенія изъ принципа абсолютной вѣдикаціи видитъ авторъ въ ст. 28 Положенія о Судныхъ кассахъ (Уст. Кредит.).

Въ догматическую часть русскаго права включено еще три небольшихъ параграфа, посвященныхъ праву Царства Польскаго, праву Прибалтійскихъ губерній и праву Бессарабской губерніи. Въ составъ догматической части входитъ, наконецъ, и параграфъ (§ 13), посвященный вопросу о *конструкціи* изучаемаго вопроса, т. е. поясняетъ авторъ, объ опредѣленіи его *юридической природы* (стр. VI), или, какъ говорить онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 479), — объ указаніи этому явленію принадлежащаго ему мѣста въ системѣ права и подчиненіи этого явленія соответствующимъ ему руководящимъ началамъ и принципамъ.

Всѣ теоріи по своему вопросу авторъ раздѣляетъ на двѣ группы. Первую составляютъ тѣ, сторонники которыхъ *не* признаютъ здѣсь пріобрѣтенія права собственности. Ко второй группѣ отнесены теоріи, признающія такое пріобрѣтеніе. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свои подраздѣленія. Къ первой группѣ относятся: 1) теорія процессуальная, и 2) теорія презумпцій. Во вторую группу, — группу теорій, признающихъ здѣсь пріобрѣтеніе права собственности, — поставлены: теорія давности, теорія пріобрѣтенія *lege* и теорія пріобрѣтенія первоначальнаго, производнаго и смѣшаннаго.

Всегда щедрый на цифры и примѣчанія, авторъ въ этомъ параграфѣ измѣняетъ своему обыкновенію. Остававшись на теоріи процессуальной, онъ не считаетъ нужнымъ указать сторонниковъ ея; характеризуя эту теорію, не находитъ правильнымъ предоставить слово ни одному изъ защитниковъ ея. Въ разборѣ же ея присоединяется къ воз-

зрѣнію проф. Васьковского ¹⁾ и, засимъ, ограничивается сухою передачею нѣкоторыхъ изъ его соображеній (стр. 481).

Больше подробностей ввелъ авторъ въ строки, касающіяся теоріи презумпціи. Онъ отмѣтилъ два подраздѣленія ея: теорію презумпціи простой и теорію презумпціи неопровержимой. Но теорію эту развиваешь, исключительно имѣя въ виду французскій кодексъ, совершенно не касаясь параллели съ нашею 534 статьею X тома. Въ виду этой статьи теорія презумпціи заслуживала бы особаго вниманія. Это надо было бы сдѣлать хотя бы для того, чтобы не обойти молчаніемъ одно остроумное объясненіе вопроса, интересовавшего нашего автора. Попытка эта сдѣлана г. Бардскимъ. Изъ *презумпціи*, указанной въ ст. 534, онъ сдѣлалъ выводъ о *наличности* права собственности у недобросовѣстнаго обладателя, передавшаго вещь добросовѣстному приобретателю, и, засимъ, пришелъ къ заключенію, что этотъ послѣдній сталъ собственникомъ именно по преемству. Къ сожалѣнію, нашъ авторъ, насколько можно заключить изъ текста его книги и изъ приложеннаго къ ней указателя литературы, имъ использованной, вовсе не имѣлъ въ виду работы г. Бардскаго ²⁾.

Чисто суммарнымъ порядкомъ представляетъ авторъ и теорію *мно-венной давности*. Сторонники ея названы. Соображенія, ими выставленныя, сведены въ одну массу, равно какъ и возраженія противъ нихъ. Если полнота изображенія только что указанной теоріи можетъ быть признана достаточною, то едва-ли можно сказать то же самое о теоріи приобретенія *lege* (стр. 487). Ей удѣлено ровно 4 строки, да двѣ — ея опроверженію. Между тѣмъ, послѣдовавъ даже исключительно указанію автора и „сравнивъ“ это мѣсто съ „*Carlin, Niemand kann... S. 101 f.*“, можно было бы найти сужденія, заслуживающія вниманія. Мало было ограничиться и указаніями примѣчанія на стр. 487 слѣдовало-бы предоставить слово названнымъ здѣсь ученымъ. Теорія приобретенія *lege* должна была получить большее развитіе. Быть можетъ, авторъ сдѣлалъ бы тогда сопоставленіе не бесполезное для конструкціи, имъ уже указанной раньше (стр. 17) и развиваемой ниже (стр. 500). Приобрѣтеніе движимости въ собственность отъ несовѣстника слѣдовало бы сопоставить съ приобретениемъ по давности. Какъ для послѣдняго случая, такъ и для перваго, теорія приобретенія въ силу специальной нормы

¹⁾ Журналъ Министерства Юстиціи 1895 г., кн. 3. стр. 79—83.

²⁾ А. Э. Бардскій. О правѣ потерпѣвшаго отъ преступленія или проступка *совѣстника* движимаго имущества на возвращеніе ему такового отъ третьяго добросовѣстнаго приобретателя. Екатеринбургъ, 1898. 66 стр.

позитивнаго права могла бы дать отправный пунктъ для дальнѣйшаго изслѣдованія: оставалось бы выяснитъ ближайшимъ образомъ, въ чемъ именно отличается способъ пріобрѣтенія вещей отъ несобственника, и далѣе установить тѣ соображенія, подъ вліяніемъ которыхъ для законодателя неизбѣжно санкціонировать этотъ способъ, какъ это сдѣлано относительно института давности.

Установивъ такую параллель, авторъ могъ бы найти доводъ въ пользу конструирования этого способа пріобрѣтенія права собственности именно какъ способа *первоначальнаго*. Какъ пріобрѣтеніе по давности происходитъ *не потому*, чтобы право собственности прежде принадлежало предшественнику, такъ и въ томъ случаѣ, когда пріобрѣтается вещь къ-мъ-либо добросовѣстно отъ лица, не имѣющаго права на отчужденіе.

Отмѣтивъ наличность теорій пріобрѣтенія первоначальнаго, производнаго и смѣшаннаго, нашъ авторъ заявляетъ себя сторонникомъ первой. Основаніемъ для такого воззрѣнія видитъ онъ въ отсутствіи въ данномъ случаѣ внутренней связи и зависимости между правомъ отчуждателя и правомъ пріобрѣтателя; здѣсь, говоритъ онъ, будетъ имѣть мѣсто простая послѣдовательность во времени, а не причинная связь. Такое воззрѣніе раздѣляется цѣлою массою юристовъ ¹⁾. Присоединившись къ этому направленію, проф. Трепицынъ совершенно рачіонально ставитъ себѣ задачу — пересмотрѣть, какъ защищаютъ свою теорію представители противоположнаго взгляда, видящіе здѣсь пріобрѣтеніе *производное* (стр. 490). Этотъ пересмотръ представленъ въ связи съ возраженіями, уже высказанными въ литературѣ. Такъ изображаетъ онъ конструкцію Гирке, Эндеманна и Дернбурга съ опроверженіями Регельбергера. Наибольше сильнаго защитника производности пріобрѣтенія видитъ онъ въ Вендтѣ. Своими возраженіями противъ него проф. Трепицынъ пользуется для того, чтобы развить свой взглядъ. Здѣсь нѣтъ передачи, говоритъ онъ, но имѣется соблюденіе полного ритуала сдѣлки. Въ этой уступкѣ въ сторону производности онъ не видитъ, однако, препятствія противъ теоріи первоначальнаго пріобрѣтенія. Эту послѣднюю онъ находитъ уже достаточно обоснованною и, опять присоединяясь къ Регельбергеру не придаетъ доказательнаго значенія указанію на вещныя обремененія, лежащія на вещи.

Едва-ли, однако, можно считать излишнимъ для характеристики способа перехода права собственности указаніе и на это обстоятельство, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на то что пріобрѣтеніе движимости отъ несобственника,

¹⁾ Гамбаровъ, Вещный искъ, въ Словарѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ, издававшемся подъ редакцію Волкова и Филиппова, томъ I, стр. 1781.

если оно допускается даннымъ законодательствомъ,—будеть вполне дѣйствительно, хотя бы отчуждатель оказался, напримѣръ, несовершеннолѣтнимъ. Не отвергая же значенія этихъ чертъ, авторъ недостаточно внимательно къ нимъ отнесся.

Черты эти заслуживали вниманія хотя бы уже въ виду того, что къ теоріи первоначальнаго приобрѣтенія въ чистомъ видѣ авторъ не примыкаетъ. Правда, онъ не заявляетъ себя сторонникомъ и „среднихъ“ или смѣшанныхъ теорій, созданныхъ въ виду ст. 932 германскаго гражданскаго уложенія. Едва-ли, однако, можно не причислить къ этому же направлению и нашего автора. Самъ онъ относитъ къ числу лицъ, выставившихъ „смѣшанную“ теорію, Kuhlensbeck'a, признающаго: „здѣсь—приобрѣтеніе *первоначальное*, но въ *производномъ отдѣленіи*“. Проф. Трепицынъ предлагаетъ выраженіе: „первоначальное прибрѣтеніе посредствомъ *traditio*“ (стр. 500). Можно-ли различнымъ образомъ квалифицировать оба эти выраженія? А между тѣмъ нашъ авторъ категорически еще разъ заявляетъ: „это не есть ничто среднее“ и тутъ же добавляетъ: „это, по существу своему, есть прибрѣтеніе первоначальное, а по внѣшней формѣ здѣсь передача, *traditio*“ (стр. 500).

Такую теорію авторъ считаетъ правильною для всѣхъ дѣйствующихъ законодательствъ (стр. 497), несмотря на то, что природа и свойства прибрѣтенія,—подчеркиваетъ онъ,—не являются совершенно одинаковыми для всѣхъ законодательствъ (стр. 500). Оставшись при „единой конструкціи“, авторъ провѣрилъ, однако, примѣнимость ея къ различнымъ разновидностямъ первоначальнаго прибрѣтенія; эту же конструкцію онъ нашелъ подходящею и для римскаго права (стр. 17).

Такимъ образомъ, теорія, принимаемая проф. Трепицынымъ, представляетъ одну изъ смѣшанныхъ теорій. Предложенная имъ формулировка едва-ли удачна. Терминъ „*traditio*“ связывается съ передачею вещи отъ собственника. Было бы правильнѣе устранить этотъ терминъ для того случая, когда идетъ рѣчь о прибрѣтеніи отъ несобственника. Здѣсь, какъ отмѣтилъ авторъ, имѣется лишь ритуаль *traditio*; иначе говоря, есть внѣшность производнаго прибрѣтенія. Только эту черту и слѣдуетъ отмѣтить; говорить же о *traditio* значитъ въ опредѣленіе внести признакъ, не вытекающій изъ предшествующихъ этому опредѣленію сужденій. Это первоначальное прибрѣтеніе въ формѣ производнаго. Идею такого соединенія способовъ прибрѣтенія права энергично высказываетъ проф. Гамбаровъ, заявляя, что со всѣми *производными* способами прибрѣтенія движимой собственности современный принципъ связуетъ значеніе способовъ *первообразныхъ*; отсюда,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ

само собою принципиальное исключение виндикацией движимости. Къ сожалѣнiю, мысль эта осталась проф. Трепицыну неизвѣстною; выражена она въ названной выше статьѣ „Вещный искъ“.

Установленiемъ конструкцiи проф. Трепицынъ не ограничился. Онъ счелъ необходимымъ „формулировать тѣ заключительныя положенiя, которыя изъ этой конструкцiи вытекаютъ или ею обуславливаются“. Если въ установленiи конструкцiи нашъ авторъ предложилъ отъ себя, какъ онъ говоритъ, „выраженiе или названiе“, то въ формулировкѣ заключительныхъ положенiй онъ предпочелъ „вполнѣ и цѣликомъ послѣдовать за Carlin'омъ“ (стр. 501). Въмѣсто своихъ выводовъ изъ своей конструкцiи онъ воспроизводитъ выводы другого изъ другой конструкцiи. Эта послѣдняя совпадаетъ съ конструкцiею, принятою профессоромъ Трепицынымъ, лишь въ части, поскольку оба видятъ здѣсь прiобрѣтенiе первоначальное. Поэтому оба они могли признать въ данномъ случаѣ „новый способъ прiобрѣтенiя права“. Но сущность конструкцiи г. Трепицына заключается именно въ поясненiи того, въ чемъ заключается этотъ новый способъ. Поэтому заявленiе его о слѣдованiи вполнѣ и цѣликомъ за Carlin'омъ являются одностороннимъ. По вопросу же о „новомъ способѣ прiобрѣтенiя права“ проф. Трепицынъ остановился лишь на указанiи мѣста для него въ системѣ гражданскаго права (стр. 503).

Принявъ указанную конструкцiю, авторъ не обходитъ молчанiемъ причинъ появленiя и распространенiя конструкцiй, имъ отвергнутыхъ (стр. 505, прим. 3). Съ современной догматической точки зрѣнiя онъ считаетъ правильною лишь принятую имъ теорiю; съ исторической же точки зрѣнiя находитъ объяснимыми и другiя теорiи. Это объясненiе онъ называетъ „двойственною постановкою вопроса“. Едва-ли это такъ. Никакой постановки вопроса въ этомъ противуположенiи нѣтъ. Выражена лишь ценовая мысль о томъ, что теорiи и конструкцiи стоятъ въ зависимости отъ тѣхъ кодексовъ, которые имѣются въ виду творцами этихъ построенiй. Иными словами, авторъ подчеркнул, что всѣ работы конструктивнаго свойства имѣютъ преходящее значенiе и могутъ имѣть значенiе лишь дополненiя и разъясненiя того, что даетъ изложенiе матеріаловъ каждаго отдѣльнаго законодательства (ср. стр. 505). Этимъ, надо думать, и объясняется, что вопросъ о конструкцiи „нового способа прiобрѣтенiя права“ авторъ разработалъ далеко не съ тою тщательностью, какъ предшествующiе параграфы своей догматической части. Отдѣльнымъ теорiямъ онъ не далъ полнаго освѣщенiя. Теорiю, имъ самимъ принятую, квалифицировалъ неправильно, формулировалъ неудачно;

вмѣсто выводовъ изъ нея предлѣжилъ формулировку заключительныхъ положеній, относящихся советѣмъ къ другому построенію.

Третью часть,—незначительную по размѣрамъ сравнительно со второю,—называетъ авторъ частью *критической*. Посвящаетъ онъ ее „вопросу о томъ, каковы должны быть тѣ законы, по которымъ мы *желали бы жить*“ (стр. VIII). Озаглавлена она такъ: „*Lex ferenda* и русскій проектъ гражданскаго уложенія“—и, соответственно этому, заключаетъ два подраздѣленія. По отношенію къ этой части авторъ впередъ заявляетъ, что ему „здѣсь приходится выступать пока *налегкѣ*“; мотивируетъ это тѣмъ, что „мы здѣсь еще не обладаемъ такими руководящими принципами, которые были бы установлены точно, твердо и для всѣхъ убѣдительно“ (стр. VII).

Первая глава этой части,—*„Принципіальное рѣшеніе вопроса“*,—посвящена задачѣ „взвѣсить доводы за и противъ“ новаго способа пріобрѣтенія права собственности (стр. 507). Авторъ, присоединяясь къ большинству, высказавшемуся въ пользу этого способа, ищетъ принципіальнаго обоснованія господствующаго мнѣнія. Онъ находитъ вполне убѣдительными соображенія тѣхъ, кто отвергаетъ „частно-хозяйственную точку зрѣнія“ (§ 2). Онъ становится на сторону тѣхъ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія „*народно-хозяйственной*“. (§ 3) и „защищаетъ новый способъ пріобрѣтенія въ цѣляхъ *поддержанія безопасности и прочности оборота*“ (стр. 512). Рѣшающими мотивами онъ признаетъ мотивы *экономическіе*, проявляющіеся въ *народномъ* хозяйствѣ (стр. 514). При рѣшеніи вопроса о новомъ способѣ пріобрѣтенія, выясняетъ проф. Треницынъ, меньшинство и логика, съ одной стороны, большинство и общественная выгода съ другой. Кому же отдать предпочтеніе,—спрашиваетъ онъ. „Конечно“,—отвѣчаетъ,—„перевѣсъ долженъ быть на сторонѣ послѣдняго рѣшенія“, „во всякомъ случаѣ только и остается рѣшить вопросъ на почвѣ интересовъ *общественныхъ*“ (стр. 519); „нуждающихся въ вѣдѣніи собственниковъ *сравнительно мало* (продажа чужихъ вещей—исключеніе), а замедляемыхъ въ оборотѣ пріобрѣтателей—*легіонъ*“,—цитируетъ авторъ (стр. 518 ad прим. 4).

Не подлежащимъ сомнѣнію находитъ онъ, что для санкціи этого рѣшенія со стороны закона существуетъ „юридическая форма“ (стр. 519) и въ объясненіе этого указываетъ „на то обстоятельство, что вообще нѣтъ ни одного законодательства, которое было бы построено исключительно на логическихъ основаніяхъ“, что „въ гражданскомъ правѣ прямолинейность логическихъ частно-правовыхъ построеній очень часто нарушается привхожденіемъ туда т. н. публичнаго элемента“. Въ виду

этого не находить препятствій со стороны „юридической формы“ для осуществленія „соціальной идеи защиты оборота“ путемъ созданія „новаго первоначальнаго способа приобрѣтенія права собственности на движимыя вещи посредствомъ передачи“ (ср. стр. 521).

Вполнѣ допустимымъ находить онъ этотъ способъ и съ *этической* точки зрѣнія (стр. 520): на *продавцѣ* чужой вещи будетъ лежать *уловленная* отвѣтственность и при допущеніи „новаго способа“, который не увеличить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и легкомысленнаго отношенія со стороны приобрѣтателей, коль скоро требуется и добросовѣтность, и *justus titulus* (стр. 521).

Высказываясь за ограниченіе индивидуализма, проф. Трепицынъ возстаётъ противъ полнаго его подавленія и, въ предупрежденіе этого, считаетъ необходимымъ отмѣтить, что принятое имъ принципиальное рѣшеніе должно быть обставлено надлежащими границами и условіями: отъ удачности и цѣлесообразности проведенія ихъ,—объясняетъ онъ (стр. 522),—зависитъ цѣлесообразность рѣшенія и всего вопроса. Выясненію этихъ „деталей“ посвящаетъ онъ особый параграфъ (§ 4), останавливаясь снова на тѣхъ же вопросахъ, которые разрабатывались въ догматической части; въ этой послѣдней трактовались они примѣнительно къ отдѣльнымъ законодательствамъ, здѣсь—по тѣмъ же вопросамъ дается обобщеніе и дополненіе. Излишнимъ этого признать нельзя, *но неправоильность въ системѣ размѣщенія матеріала* необходимо констатировать.

Пересмотрѣвъ „границы и условія примѣненія новаго способа“, авторъ еще разъ обращается къ вопросу о допустимости его, на этотъ разъ подвергая разбору тѣ *упреки*, которые были сдѣланы по адресу этого способа приобрѣтенія (стр. 533 сл.). Онъ находить, что „при такой постановкѣ дѣла“,—разумѣя, конечно, ту, которую онъ далъ въ своей работѣ,—„нѣтъ никакого основанія *опасаться*“ такихъ упрековъ.

Для того, однако, чтобы не опасаться, надо было бы внимательнѣе воспроизвести эти упреки. На нѣкоторые изъ нихъ, правда, указано. Замѣчаній же, высказанныхъ Антономъ Менгеромъ, онъ вовсе не отмѣтилъ, сдѣлавъ лишь ссылку на одну изъ его работъ, гдѣ затронуть данный предметъ. „Гражданское право же и неимущіе классы населенія“ заключаетъ въ себѣ мысли и по данному вопросу, заслуживавшіе вниманіе при „принципиальномъ рѣшеніи вопроса“.

Наконецъ, послѣднюю главу своей книги посвящаетъ авторъ проекту русскаго гражданскаго уложенія. Онъ возражаетъ прежде всего противъ того, чтобы въ Проектѣ заключались правила, и нынѣ уже дѣйствующія, возстаётъ, противъ односторонняго подбора сенатскихъ рѣшеній. Къ сожалѣнію, авторъ ограничивается лишь указаніемъ на „невѣрность“ вывода о сенатской практикѣ, сдѣланнаго составителями про-

екта; фактическія же данныя, воспроизведенныя и разобранныя нашимъ авторомъ, не представляютъ полнаго матеріала для объективнаго вывода и провѣрки заключенія комиссіи по составленію гражданскаго уложенія.

Отмѣчена, „засимъ, „черезполосность“ нашего Проекта: по данному вопросу онъ разорванъ на три части, между тѣмъ,—что, конечно, правильно,—новый способъ пріобрѣтенія права собственности долженъ имѣть свое мѣсто въ главѣ о пріобрѣтеніи права собственности на движимыя вещи. Находить авторъ и улучшения въ Проектѣ сравнительно съ Кодексомъ Наполеона, подъ влияніемъ котораго онъ составленъ. Но немало усматриваетъ онъ и неудовлетворительнаго. Внимательно пересматриваетъ онъ постановленіе Проекта, выясняетъ отношеніе его къ тѣмъ условіямъ примѣненія своего способа пріобрѣтенія, которыя считаетъ необходимыми для правильной постановки дѣла. Разборомъ матеріала авторъ, однако, не ограничивается, дѣлая „собственное предложеніе“, формулировку желательнаго, по его мнѣнію, будущаго закона (стр. 548—549), воспроизводи въ общихъ чертахъ формулировку, предложенную проф. Васьковскимъ ¹⁾, и вводя нѣкоторыя добавленія, съ которыми нельзя согласиться. Онъ говоритъ о пріобрѣтеніи вещи посредствомъ „объективно-дѣйствительной“ сдѣлки. Но можно-ли назвать сдѣлку *объективно-дѣйствительною*, допуская въ ней хотя бы только одинъ такой порокъ, какъ отсутствіе легитимациі у традента на отчужденіе (ср. стр. 524). Если авторъ считаетъ это возможнымъ, то ему необходимо при своей формулировкѣ дать еще условный кодексъ для пониманія употребляемыхъ имъ выраженій.

Основнымъ недостаткомъ труда проф. Треницина представляется *постановка вопроса* и, въ ближайшей связи съ этимъ, установленіе *предельнозъ изслѣдованія*. Вопросъ о допустимости пріобрѣтенія движимости отъ несобственника и объ условіяхъ такого способа пріобрѣтенія можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ въ зависимости отъ характера всей системы гражданскаго права съ точки зрѣнія защиты общественнаго интереса и противоположенія началъ индивидуалистическихъ и социальныхъ. При отсутствіи такой широкой постановки центръ тяжести работы сводится къ деталямъ, къ выясненію и комментированію отдѣльныхъ законодательныхъ статей. Но въ такомъ случаѣ приходится помириться и съ результатомъ: вмѣсто возведенія цѣльнаго зданія изготовляются отдѣльныя части. Широкая постановка вопроса въ данномъ случаѣ не есть дѣло вкуса, но дѣло необходимости: отъ цѣли зависятъ и способы достиженія ея.

¹⁾ *Васьковский*, Пріобрѣтеніе движимости отъ несобственника, Ж. М. Ю. 95 г., кн. III, стр. 94.

Для правильной разработки задачи автору надо было поставить свою проблему въ связь съ *эволюціею торговаго права*. Приобрѣтеніе вещей отъ несобственника есть лишь одно изъ проявленій ясно обнаружившейся въ торговомъ правѣ тенденціи оградить торговый оборотъ и интересы третьихъ лицъ отъ вліянія внутреннихъ недочетовъ въ сдѣлкѣ. Торговое право оставляетъ въ силѣ сдѣлку, совершенную лицомъ, не управомоченнымъ на совершеніе ея. Равнымъ образомъ, идея попеченія о благѣ общемъ, стремленіе къ созданію благоприятныхъ условий для развитія торговли привели къ допущенію въ торговомъ быту приобрѣтенія движимости отъ неуправомоченныхъ на ея отчужденіе.

Слѣдовало-бы прослѣдить постепенное проникновеніе такой тенденціи въ область всего гражданскаго права; иначе говоря, нельзя было оставить безъ вниманія *коммерціализацію гражданскаго права* въ вопросѣ о новомъ способѣ приобрѣтенія правъ на движимости.

Для этого, засимъ, необходимо было иное отношеніе къ *исторіи* вопроса. Требовалось бы представить эволюцію новаго способа приобрѣтенія правъ на движимость; исторіи же источниковъ недостаточно: такая „исторія“ сводится къ „хронологическому разсмотрѣнію законодательства“, а при этомъ—какъ признаетъ и нашъ авторъ,—нельзя установить постепенности въ развитіи института (стр. 503).

Если бы авторъ имѣлъ въ виду,—какъ это слѣдовало,—не хронологическій очеркъ законодательныхъ памятниковъ, а исторію развитія интересовавшаго его явленіе, онъ отнесся бы иначе и къ *исторіи прускаго права*. Онъ разсмотрѣлъ бы ее въ качествѣ матеріала для исторіи своего вопроса, а не ввелъ въ качествѣ одного изъ параграфовъ догматической части. Такимъ способомъ размѣщенія матеріала авторъ показалъ, что интересъ своей работы онъ сводилъ не къ цѣлой проблемѣ, а къ отдѣльнымъ частностямъ.

При такихъ же обстоятельствахъ онъ и могъ дать лишь рядъ статей, относящихся къ одному и тому же вопросу примѣнительно къ различнымъ законодательнымъ актамъ. Эти статьи оказались не пропорціональными и по своимъ размѢрамъ, что и не могло быть иначе, коль скоро авторъ считалъ необходимымъ распланировать свою работу не только не по вопросамъ, къ ней относящимся, но даже и не по законодательнымъ системамъ. Слѣдствіемъ этого получилось то, что право германское оказалось разорваннымъ по отдѣльнымъ актамъ: прусскій ландрехтъ, торговое уложеніе дѣйствующее отдѣльно и далеко отъ преніяго; совершенно отдѣлено отъ другихъ источниковъ германскаго права общегерманское гражданское уложеніе.

Такіе *методологіческіе приѣмы* могли бы говорить о томъ, что авторъ вовсе не придавалъ имъ значенія. Между тѣмъ самъ же онъ подчеркиваетъ значеніе „правильности методологическихъ приѣмовъ“ (напр., стр. 321). Если же такъ, то мы имѣемъ передъ собою уже не случайное явленіе, а сознательный, но неудачный выборъ приѣма для научной работы,—что было дѣломъ не научнаго вкуса, повторяю, а яснаго представленія о пригодности избираемыхъ путей для достиженія намѣчаемыхъ цѣлей.

Къ числу неудачныхъ методовъ работы нельзя не отнести, засимъ, примѣняемый авторомъ и въ исторической, и въ догматической частяхъ его работы методъ *комментирования* отдѣльныхъ статей каждаго законодательнаго акта. Едва-ли не возведено въ методъ *запроможденіе* книги матеріаломъ, имѣющимъ лишь отдаленное отношеніе къ темѣ, наполненіе примѣчаній цитатами и указаніями, не представляющими необходимости для отвѣта на вопросы, подлежащіе разработкѣ. Разумѣется, такое пониманіе авторомъ должнаго отношенія къ литературѣ и своихъ задачъ не можетъ не вызывать справедливыхъ нареканій.

Не правленъ и *способъ изображенія чужихъ теорій*, особенно, тѣхъ, къ которымъ авторъ не примыкаетъ. Ограничиваясь краткою характеристикою ихъ, не предоставляя слова сторонникамъ даннаго ученія, авторъ щедро воспроизводитъ возраженія, высказанныя въ литературѣ, далеко не всегда находя что-либо сказать и съ своей стороны. Слѣдствіемъ такого отношенія является недостаточное освѣщеніе *теоріи производнаго приобритенія* права собственности. Помимо указанныхъ упуцетій, авторъ слишкомъ мало обратилъ вниманія и на тѣхъ сторонниковъ этой теоріи, имена и труды которыхъ ему извѣстны и имъ указаны.

Много лишняго ввелъ авторъ въ свою работу. Не вполне воспользовался самъ результатами своего труда. Но то, что онъ далъ, собрано съ полною тщательностью, добросовѣстностью. Много, очень много труда вложилъ авторъ въ свою книгу. Къ сожалѣнію, однако, не мало видно слѣпости, недостаточной полноты и досадныхъ пропусковъ, которые не могутъ не быть поставлены автору въ упрекъ.

Отмѣченные недостатки, при всей значительности, не даютъ, однако, возможности ^{къ} считать автора *много давшимъ* своею работою наукѣ гражданскаго права.

Прежде всего, онъ далъ разработку одного изъ труднѣйшихъ и новѣйшихъ вопросовъ права, глубоко затрогивающихъ укладъ человѣческихъ отношеній.

Засимъ, въ соединеніи съ первою книгою, въ нынѣшней работѣ онъ далъ разработку важной области права — приобрѣтенія права собственности на движимость. Трудъ автора представляетъ собраніе богатаго матеріала въ приготовленномъ для дальнѣйшей работы видѣ; авторъ оказалъ большую услугу для дальнѣйшихъ изслѣдованій не только по вопросу о приобрѣтеніи вещей отъ несобственника, но и болѣе широкихъ вопросовъ о способахъ приобрѣтенія правъ и, еще шире, о юридической силѣ актовъ, исходящихъ отъ лицъ, не управомоченныхъ на ихъ совершеніе. Онъ далъ *прочный фундаментъ* для дальнѣйшихъ строеній въ избранной имъ области и тѣмъ самымъ сдѣлалъ *полезный вкладъ* въ дѣло научной разработки одного изъ важныхъ отдѣловъ науки. Разработка законодательныхъ матеріаловъ въ смыслѣ выясненія отношенія ихъ къ вопросамъ, подвергнутымъ изслѣдованію, — освѣщеніе детальныхъ условий, при которыхъ допускалось, допускается и можетъ принципиально допускаться примѣненіе „нового способа приобрѣтенія“, — все это должно быть принято во вниманіе при послѣдующихъ работахъ — и теоретическихъ, и судебно-практическихъ, и законодательныхъ.

Все изложенное, оцѣниваемое во всей совокупности, не даетъ права считать разсмотрѣнную книгу обладающею такими недостатками, которые исключили бы возможность принять во вниманіе отмѣченныя достоинства ея. Въ виду изложеннаго, проф. Треницынъ можетъ быть допущенъ къ публичному диспуту и послѣ удовлетворительной защиты диссертациі удостоенъ искомою степенію. Ищетъ онъ степенію Доктора гражданского права.

Ординарный профессоръ

Владиміръ Гордонъ.
